

УДК 81'42
DOI 10.17223/18137083/61/16

Л. Б. Крюкова¹, А. В. Хизниченко¹, Сяохуань Ван²

¹ *Томский государственный университет*
² *Шеньянский политехнический университет*

Субъект чувственного восприятия в семантическом пространстве рассказов А. П. Чехова *

Представлен анализ лингвистических средств выражения субъекта восприятия и его роль в семантическом пространстве поздних рассказов А. П. Чехова. Субъект перцепции рассматривается как ключевой фактор текстообразования, предложен вариант его классификации. Утверждается, что от субъекта восприятия (взрослые, дети или животные) зависит преобладание того или иного модуса перцепции и выбор языковых средств выражения. Сквозь призму мировосприятия субъекта (с учетом его возрастных, социальных, гендерных особенностей) дается характеристика окружающих предметов, явлений и их оценка. Интерпретация и анализ перцептивной семантики позволяют выделить идиостилевые особенности повествования.

Ключевые слова: перцептивная семантика, субъект восприятия, высказывание, пропозиция, образ, художественный текст, зрение, слух, запах.

В современном российском языкознании изучением семантики чувственного восприятия занимаются специалисты разных научных направлений: когнитивной и дискурсивной лингвистики, коммуникативной стилистики текста, лингвистиче-

* Работа выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности Томского государственного университета на 2013–2020 гг.

Крюкова Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (просп. Ленина, 34, Томск, 634050, Россия; lar-kryukova@yandex.ru)

Хизниченко Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (просп. Ленина, 34, Томск, 634050, Россия; anna_khiznichenko@mail.ru)

Ван Сяохуань – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков Шеньянского политехнического университета (ул. Наньпинджонлу, 6, Шэньян, Ляонин, 110159, Китай; yuliawang4200@mail.ru)

ской семантики и др. В рамках семантического синтаксиса актуальным является вовлечение в сферу рассмотрения глубинного уровня семантической структуры высказывания и способов ее языкового представления в тексте.

Как отмечает В. К. Харченко, язык сенсорики способен усилить эмоциональность и художественность любого дискурса [Харченко, 2012, с. 7]. Художественный текст в этом отношении предоставляет наибольшее разнообразие способов репрезентации чувственных ощущений, что напрямую отображает особенности авторского мировосприятия. С этим связан тот факт, что в настоящее время возрастает внимание лингвистов к стилистическому аспекту исследования перцептивной семантики. Языковые единицы (лексические и синтаксические) с сенсорным значением регулярно рассматриваются в аспекте текстообразования и словообразования в рамках художественного дискурса [Григорьева, 2004; Харченко, 2012; Авдеевнина, 2013; и др.]. «Языковые средства создания перцептивных образов являются инструментом анализа художественного текста и позволяют исследовать языковую и художественную картину мира отдельного автора» [Корычанкова и др., 2016, с. 33], при этом эффективным признается выявление специфики идиостиля через описание функциональных характеристик элементов структуры высказывания [Золотова, 1982; Кустова, 2004; Олицкая, Крюкова, 2012; Двизова, 2013; и др.].

Наибольшее внимание лингвисты уделяют предикату, который определяет выбор «участников» ситуации, их синтаксические позиции и языковые формы. Чувственное восприятие представлено в языке прежде всего посредством процессуальной лексики. Языковой пласт перцептивных глаголов изучен подробно и многосторонне в аспекте их лексического содержания, грамматических свойств, словообразовательного потенциала, функционирования в художественном, диалектном, публицистическом текстах [Падучева, 2004; Апресян, 1995; Моисеева, 1998; Демешкина и др., 2006; и др.].

Целью предлагаемого исследования является рассмотрение особенностей языкового выражения процесса чувственного восприятия в семантическом пространстве рассказов А. П. Чехова. Особого внимания заслуживает субъект восприятия, описание и характеристики которого позволяют говорить о значимости в рамках соответствующей пропозиции не только предикативного компонента, но и актантов. Исследование опирается на анализ 67 рассказов А. П. Чехова, репрезентирующих на синтаксическом уровне ситуацию чувственного восприятия¹. В основном это рассказы зрелого периода творчества А. П. Чехова, в которых выявлено более 4 000 высказываний с перцептивной семантикой [Ван, 2015].

Способы вербализации перцептивной семантики в проанализированных рассказах обусловлены реализацией классической инвариантной трехкомпонентной модели восприятия «субъект – предикат – объект». С точки зрения антропоцентрического подхода к языку субъект – главный участник ситуации восприятия. Наличие субъекта следует признать обязательным – он семантически значим, даже будучи невыраженным на поверхностном (формальном) уровне: «Если предложение сообщает о восприятии, существует субъект этого восприятия, и язык находит различные способы указания на него» [Золотова, 1982, с. 218].

Восприятие в широком смысле – «процесс переведения объекта действительности во внутреннюю сферу субъекта» [Башкова, 1995, с. 6]. А. В. Бондарко понимает субъект как семантическую категорию, обозначающую источник или носитель действия [Бондарко, 1991, с. 130]. Субъект восприятия как один из ак-

¹ Рассказы А. П. Чехова цитируются по изданию полного собрания сочинений [Чехов, 1983, т. 1; 1988, т. 18]. После иллюстративного примера в скобках указывается название рассказа.

тантов пропозиции восприятия становился объектом изучения в исследовании Т. П. Бабиной [Бабина, 1986, с. 3].

В традиционном понимании восприятия как психического процесса субъектом восприятия могут выступать только одушевленные существа. Субъект восприятия эксплицирован различными лексико-семантическими группами слов: именами существительными с предметной семантикой, местоимениями и субстантивированными прилагательными и причастиями. На синтаксическом уровне субъект регулярно репрезентируется имплицитно (в односоставных и контекстуально неполных предложениях).

Различают понятия «субъект восприятия» и «субъект предложения», которые в пределах одного высказывания могут не совпадать. В зависимости от семантики предиката в рамках контекста может быть выделен как активный, так и пассивный субъект восприятия. Активный субъект обозначает лицо, совершающее намеренное перцептивное действие (при глаголах *нюхать, слушать, смотреть, трогать* и др.), пассивный субъект – носителя перцептивного состояния (например, в безличных предложениях: *мне привиделось, послышалось, почудилось* и др.); при этом синтаксические позиции двух типов субъекта могут варьироваться: в предложении они являются подлежащими или дополнениями. Активность или пассивность субъекта становится основанием для выявления модели того или иного перцептивного высказывания [Демешкина и др., 2006, с. 6].

Между тем субъект восприятия не всегда легко выделяется из контекста. Так, например, в высказываниях, репрезентирующих тактильное восприятие, отмечается синкретизм объектного и субъектного значения [Борейко, 2006]. В художественном тексте трудности определения субъекта перцептивной деятельности связаны, в первую очередь, с наличием позиции автора, повествователя, персонажа.

Классическим положением субъекта в высказывании со значением восприятия считается его препозиция (и постпозиция предиката) в экспрессивно-нейтральном предложении, независимо от того, совпадают ли субъект и предикат с подлежащим и сказуемым. «Субъект и предикат соответствуют теме и реме в актуальном членении (функциональной перспективе) высказывания» [Золотова, 1982, с. 214]. Случаи постановки субъекта в постпозицию можно считать проявлением модусных смыслов в высказывании (шире – тексте). При рассмотрении пропозиции восприятия в художественном тексте особую значимость приобретает метафорическое и метонимическое осмысление субъектно-объектных отношений.

Таким образом, рассмотрение особенностей представления субъекта в семантической структуре высказывания дает возможность приблизиться к пониманию отдельных смысловых нюансов словоупотребления и сосредоточить внимание на семантической нагрузке языковых единиц с перцептивной семантикой в рамках целостного художественного произведения. Анализ и интерпретация особенностей мировосприятия субъекта (т. е. всего индивидуального, что привносится в тот или иной контекст) ведет к проникновению в смысловые глубины высказывания и художественного текста в целом, а также позволяет выявить идиостилевые особенности повествования.

Жизнь чеховских героев наполнена ситуациями, связанными с восприятием и познанием окружающей действительности с помощью чувственных рецепторов.

Необходимо отметить, что в задачу исследования не входит изучение проблем образа автора, образа рассказчика (повествователя) или образа персонажа. В фокус внимания попадают только те контексты, в которых субъект восприятия (понимаемый вслед за Т. В. Шмелевой как один из компонентов событийной пропозиции восприятия [Шмелева, 1988]) репрезентирован на языковом уровне: «*А Ольга Ивановна прислушивалась то к голосу Рябовского, то к тишине ночи и думала о том, что она бессмертна и никогда не умрет*» («Попрыгунья»).

Сложность описания ситуации восприятия по субъекту в рассказах А. П. Чехова связана с тем, что в тексте постоянно существует две точки зрения (два процесса восприятия): позиция автора (рассказчика) и позиция героя (персонажа). Семантическому анализу подвергаются и те, и другие высказывания. Например: «Он *смотрит* вопросительно *по направлению криков*, несущихся с реки, и потом быстро семенит к купальне...» («Налим»); «Егор *глядит на них и провожает их глазами* до тех пор, пока они, превратившись в три едва видные точки, не опускаются далеко за лесом» («Егерь»); «Он отошел от окна и *мутными глазами обвел комнату*, в которой *ему еще слышался робкий, придушенный голос*» («Кошмар») – описание ситуации восприятия ведется с позиции автора (рассказчика), но при этом именно названный персонаж является субъектом восприятия; «Хорошо-с, извольте... *я слушаю...* Полчаса я готов» («Драма») – описание с позиции персонажа.

Выбрать универсальное основание для классификации субъектов восприятия в рассказах А. П. Чехова не представляется возможным, в связи с этим в статье рассмотрены две (достаточно условные) оппозиции: взрослые – дети и люди – животные. Именно эти типы субъектов являются наиболее значимыми в анализируемых текстах.

Внутри группы «взрослые» наблюдается четкое разграничение по гендерному признаку: для мужчин свойственны одни характеристики, определяющие их перцептивную (сенсорную) картину мира, для женщин иные. Под перцептивной картиной мира понимается картина, «получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности при помощи органов чувств, которая формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления» [Попова, 2010, с. 51] и характеризуется индивидуальными особенностями.

Воплощаемые А. П. Чеховым образы мужчин строго различаются по социальному положению (персонажи рассказов «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Скрипка Ротшильда», «Студент», «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви» и др.), образы же женщин создаются через детальное описание внешности, кроме того, они часто обладают характерным запахом: «запах отражает характер героини и ее оценку в обществе» [Григорьева, 2004, с. 158] (см. рассказы «Гина», «Анна на шее», «Душечка», «Дама с собачкой» и др.).

В рассказе «Смерть чиновника», посвященной теме маленького человека, языковые средства с семантикой зрения и слуха используются в процессе описания характера, настроения персонажей, отношений между ними, при этом следует говорить о ситуации активного восприятия (действия). Через глаголы звучащей речи (*шептать* и *бормотать*) Червяков представлен как человек, имеющий низшее положение в обществе, и напротив, глагол *гаркнуть* говорит о высоком статусе генерала, смотрящего на подчиненных с презрением и воспринимающего их свысока.

Подобная характеристика социального статуса героев вербализована и в рассказе «Хамелеон», но восприятие при этом является пассивным (взаимопроникновение восприятия и состояния). Перемена во взглядах и симпатиях персонажа Очумелова передается в том числе благодаря использованию языковых единиц с семантикой тактильного восприятия: «Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как *жарко!*»; затем: «Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... *Что то ветром на меня подуло... Знобит...*»

Посредством перцептивных лексических единиц в рамках ситуаций активного и пассивного восприятия создается соответствие социального положения внешности, чертам характера персонажей в рассказе «Крыжовник»: «...теперь *говорил* одни только истины, и таким тоном, точно министр; даже фамилия в сущности

несообразная, казалась ему теперь *звучной*). В финальных философских обобщениях Ивана Ивановича слуховые и зрительные характеристики взаимосвязаны:

...во всех домах и на улицах *тишина, спокойствие*; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы *вскрикнул, громко возмутился*. <...> ...Мы *не видим и не слышим* тех, которые страдают... Все *тихо, спокойно*... <...> Меня угнетают *тишина и спокойствие*.

Отсутствие звуков в этих высказываниях отражает безмолвное человеческое страдание, ничтожность жизни героя. Значимым является «отсутствие восприятия»: «его никто *не увидит и не услышит*, как теперь он *не видит и не слышит* других».

В качестве промежуточного вывода отметим, что для раскрытия образа героев, их характера и специфики мировосприятия А. П. Чехов использует высказывания со значением зрения и слуха. Визуальные и звуковые характеристики не только описывают окружающую действительность глазами персонажей (например, представление усадьбы в рассказе «Крыжовник»): они репрезентируют поведенческие реакции героев, их эмоциональное состояние. Конструкции, в которых внимание акцентируется на потере способности видеть и слышать, метафорически передают мысль о том, что внутренняя духовная жизнь героя прекращается.

Что касается женских образов, то языковые единицы с семантикой восприятия в рассказах встречаются не только в речи персонажей, но и в описании женского портрета и интерьера. Например, через цветовые и тактильные характеристики представлен интерьер, а через него и хозяйка комнаты в рассказе «Тина»:

В одном из углов комнаты, где зелень была гуще и выше, под *розовым, точно погребальным балдахин*ом, стояла *кровать с измятой, еще не прибранной постелью*; Здесь *веяло холодом*, как в вокзальных комнатах, клубах и театральных фойе.

Внешний образ Сусанны построен на контрасте между черным и белым (бледным), к этому добавляется еще один постоянный признак – «тяжелый и приторный запах жасмина», который упоминается в тексте семь раз. Помимо жасмина, в доме Сусанны будто бы пахнет чесноком: этот запах считается «одним из самых унижительных запахов» в прозе А. П. Чехова [Григорьева, 2004, с. 161].

Запах выполняет функцию характеристики и в других рассказах. В отношении женских образов это запахи духов и цветов, «мужские ароматы» зависят от сферы профессиональной деятельности героев. Запахи характеризуют жизненное пространство героев, становятся частью портретов, влияют на эмоциональный строй рассказа.

В детских образах А. П. Чехов, с одной стороны, показывает естественные природные свойства, присущие всем детям, с другой стороны, описывает формирование каждого из них как личности, стремление быть похожими на взрослых («Устрицы», «Ванька», «Спать хочется» и др.). Так, в рассказе «Устрицы» повествование ведется от первого лица: т. е. автор имеет возможность передать различные нюансы изменения состояния главного героя. В первой части рассказа ощущение голода для мальчика не застилает окружающую действительность: он смотрит по сторонам и замечает много интересного. Формирование образа пространства, в котором существует мальчик, происходит за счет высказываний с семантикой зрительного восприятия, в том числе цвета:

Против нас большой трехэтажный дом с синей вывеской: «Трактир»; Голова моя слабо откинута назад и набок, и я поневоле гляжу вверх, на освещенные окна... <...> Вглядываясь в одно из окон, я усматриваю белеющее пятно. Пятно это неподвижно и своими прямолинейными контурами резко выделяется из общего темно-коричневого фона. <...> Полчаса я не отрываю глаз от вывески. Своею белизною она притягивает...»

Постепенно изменяется физиологическое состояние мальчика – голод ощущается все острее, герой начинает «видеть то, чего не видел ранее», воспринимает мир всеми пятью органами чувств одновременно, ощущения усиливаются:

Шум экипажей начинает казаться мне громом, в уличной вони различаю я тысячи запахов, глаза мои в трактирных лампах и уличных фонарях видят ослепительные молнии. <...> Из кухни несется запах рыбного жаркого и ракового супа. <...> ...Припадаю к его мокрому летнему пальто. <...> ...Я ем с жадностью, боясь разгадать его вкус и запах.

Чувство голода и незнакомое слово «устрицы» рисуют в воображении мальчика различные картины, инициируемые чувственными ощущениями, некоторые из которых основаны на синестезии:

Я чувствую, как этот запах щекочет мое небо, ноздри, как он постепенно овладевает всем моим телом... Трактир, отец, белая вывеска, мои рукава – все пахнет этим запахом, пахнет до того сильно, что я начинаю жевать.

Языковые средства с семантикой запаха не только характеризуют внутреннее состояние героя, но и выполняют текстообразующую функцию. Они отражают переход от реальной жизни в воображаемое пространство и наоборот: «*вкусный запах* мгновенно перестает *щекотать* мое тело, и иллюзия пропадает». В этой связи приведем высказывание О. Н. Григорьевой, которая отмечает: «В индивидуально-авторской системе А. П. Чехова представления о запахах выступают как знаки времени, пространства, предметов, чувств, профессий, характеров, социальных типов» [Григорьева, 2004, с. 158].

Во второй части рассказа А. П. Чехов показывает, как чувство голода побеждает неприятные вкусовые, обонятельные, тактильные ощущения:

Я сижу за столом и ем что-то склизкое, соленое, отдающее сыростью и плесенью; я ем с жадностью, не жуя, не глядя и не осведомляясь, что я ем. Мне кажется, что если я открою глаза, то непременно увижу блестящие глаза, клешни и острые зубы...

В рассказах о детях спектр языковых единиц с семантикой восприятия очень широк, при этом среди них доминирует познание мира через цветовые и световые признаки. С одной стороны, яркий свет и различные насыщенные цвета привлекают внимание детей, с другой стороны, темнота и мрачные тона их пугают. С помощью языковых средств с перцептивным значением происходит уподобление детей взрослым в психологических, поведенческих характеристиках и противопоставление другим детям, отличающимся социальным положением. Лексические единицы с семантикой зрительного, слухового, тактильного и вкусового восприятия передают различные детские эмоции – ощущение безысходности, умение мечтать, восторг и др.: «Кто бы ни выиграл, она одинаково хохочет и хлопает в ладоши»; «Его карие глазки беспокойно и ревниво бегают по картам партнеров» («Детвора»).

В рассказах А. П. Чехова важное место занимают и образы животных («Рыбья любовь», «Белолобый», «Каштанка» и др.): подробно описываются не только условия их существования и внешний вид, но и чувства, которые они способны испытывать, подобно всем живым существам. Восприятие окружающего мира животными специфично: в связи с этим языковые единицы, репрезентирующие их перцептивные процессы, существенно отличаются от тех, которые описывают мир сквозь призму человеческого восприятия.

Процесс чувственного восприятия является смысловым центром рассказа «Рыбья любовь», здесь представлены языковые единицы со значением зрения, слуха и осязания и их «взаимодействие» внутри семантического и эмотивного пространства художественного текста.

Когда Соня приходила купаться, «влюбленный карась плавал у самого берега и наблюдал»; в то время, когда она сидела на берегу пруда, «карась не отрывал глаз от любимой девушки». В рассказе вербализовано эмоциональное состояние карася – благодаря светлому чувству ему все вокруг кажется прекрасным: «Он видел, как по голубому небу носились белые облака и птицы». Чувство любви усиливается с каждым днем, ситуацию зрительного восприятия сменяют тактильные ощущения. Когда Соня находится в воде, «карась тут как тут, он подплывал к ней и начинал жадно целовать ее ножки, плечи, шею». Карася очеловечивает не только его способность испытывать высокие чувства, но и умение в моменты эмоционального напряжения производить звуки, характерные для людей, а также менять цвет кожи. Именно трансформация и переход от одного типа восприятия окружающего мира к другому являются важным аспектом не только на смысловом уровне, но и в процессе формального текстового развертывания. Например, за счет глаголов звучания формируется динамика повествования: *взвизгнула, шлепнулось, вскрикнули, простонал, захохотал* и т. п.

В процессе анализа рассказов о животных было отмечено, что при моделировании ситуации слухового восприятия доминируют глаголы с семантикой звучания – животные наделяются человеческими свойствами, их поведение уподобляется людскому (*кричать, произносить, говорить, заговорить* и др.). Ключевым отличием восприятия субъекта-животного от субъекта-человека становится ситуация восприятия запаха: в рассказах о животных глагол *нюхать* и его варианты используются регулярно. Этот факт связан с тем, что система органов чувств животных существенно отличается от человеческой (именно к животным применимо понятие *чутья* ‘распознавать чутьем (о животных)’ [МАС, т. 2, с. 540]). Запахи выполняют для животных жизненно важную функцию идентификации, и в этом случае речь идет о ситуации активного, целенаправленного восприятия: «Она понюхала одежду и сапоги незнакомца и нашла, что они очень пахнут лошадьё» («Каштанка»).

Запах становится главным способом взаимодействия с миром для волков и собак (наряду со зрением), рыбы «пользуются» лишь зрением. Для обозначения процесса общения животных, особенно волка и собаки, используется глагол перцептивного действия (тактильное восприятие) *облизать* (ср.: в рассказах о людях – *обнимать, целовать*). Глагол *лизнуть* с точки зрения субъекта восприятия – человека имеет значение «попробовать на вкус»; для животных он также приобретает значение формы выражения ласки: «Она подошла к нему, а он лизнул ее в морду и заскулил, думая, что она хочет играть с ним» («Белолобый»).

Правомерность классификации исследуемых высказываний по субъекту восприятия может быть обоснована следующим образом. В зависимости от того, кто является субъектом чувственного восприятия (взрослые, дети или животные), различается доминирование тех или иных языковых единиц: со значением зрительного, слухового, тактильного, обонятельного или вкусового восприятия. Зрительное восприятие является основным способом ориентации людей в пространстве, их общения (наряду со слуховым восприятием), при этом дети воспринимают мир во всей полноте его цветовых проявлений. Что касается взрослых, то важным аспектом их характеристики является социальное положение в обществе и занимаемая должность. В высказываниях, субъектами восприятия в которых становится животное, регулярно реализуется ситуация восприятия запаха и вкуса. Языковые средства со значением чувственного восприятия с метафорическим значением передают уподобление детей взрослым, животных людям, участвуют в изображении окружающей среды, обстановки, в которой существуют герои произведений. Разнообразные чувственные характеристики описывают внешность и поведение всех персонажей.

В ряде рассказов А. П. Чехова именно субъект «пределяет выбор языковых единиц, репрезентирующих перцептивные процессы: в зависимости от того, кто является субъектом чувственного восприятия (взрослые, дети или животные), наблюдается преобладание того или иного типа восприятия, а также определяется выбор языковых средств выражения перцептивной семантики (например, глагол *нюхать* практически отсутствует в рассказах о людях и является ключевым в рассказах о животных). Сквозь призму мировосприятия субъекта дается характеристика окружающих предметов, явлений и их оценка.

Таким образом, в рассказах А. П. Чехова субъект чувственного восприятия (т. е. герой / персонаж рассказа, с позиции которого описываются происходящие события) является ключевым фактором текстообразования. Лексические и синтаксические единицы с перцептивной семантикой несут особую функциональную нагрузку в формировании смысловой (художественной) структуры чеховского рассказа. Внимание акцентируется как на мировосприятии конкретного персонажа, так и на особенностях непосредственно авторского восприятия, отражающегося в идиостилевых характеристиках повествования (например, детализации). Высказывания чувственного восприятия позволяют описать ситуацию «реалистично», показать не только общую картину, но привлечь внимание к отдельным аспектам описываемых в рассказах событий и явлений.

Список литературы

Авдеевнина О. Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 340 с.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

Бабина Т. П. Способы выражения субъекта в русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1986. 24 с.

Башкова И. В. Грамматика восприятия в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995. 24 с.

Бондарко А. В. К определению понятия «залоговость» // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 120–135.

Борейко Т. С. Ситуация тактильного восприятия: способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 224 с.

Ван С. Языковые средства выражения чувственного восприятия и их роль в семантической организации художественного текста (на материале рассказов А. П. Чехова): Автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 24 с.

Григорьева О. Н. Цвет и запах власти: Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах: Учеб. пособие. М.: Наука, 2004. 248 с.

Двизова А. В. Языковые средства выражения ситуации зрительного и слухового восприятия в поэзии Б. Пастернака (сопоставительный аспект) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 207–211.

Демешкина Т. А., Верхотурова Н. А., Крюкова Л. Б., Курикова Н. В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Под ред. Т. А. Демешкиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 194 с.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 368 с.

Корычанкова С., Крюкова Л. Б., Хизниченко А. В. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Vrnо: Muni Press: Masarykova univ., 2016. 236 с.

Кустова Г. И. Вид, видимость, сущность (о семантическом потенциале слов со значением зрительного восприятия) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 155–175.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд., стер. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 736 с.

Моисеева Н. В. Глаголы восприятия в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1998. № 6. С. 82–91.

Олицкая Д. А., Крюкова Л. Б. Авторское мировосприятие и способы ее языкового выражения в оригинальной и переводной поэзии Б. Пастернака // Мир русского слова. 2012. № 4. С. 92–99.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.

Харченко В. К. Лингвосенсорика. Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Либроком, 2012. 216 с.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1988. 54 с.

Список источников

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 1. М.: Наука, 1983. 607 с.; Т. 18. М.: Наука, 1988. 526 с.

L. B. Kryukova¹, A. V. Khiznichenko², X. Wang³

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lar-kryukova@yandex.ru

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, anna_khiznichenko@mail.ru

³ Shenyang Ligong University, Shenyang, China, yuliawang4200@mail.ru

Subject of sensory perception in semantic space of stories by A. P. Chekhov

The paper considers the particularities of linguistic representation of perception process in late stories by A. P. Chekhov. The research is based on basic statements of a sensory linguistics, semantic syntax and functional stylistics of the text. A variety of ways of representation of sense impressions displays the features of author's worldview. In 67 works, more than 4 000 utterances with perceptual semantics are revealed. The main purpose is the analysis of linguistic means of expression of the subject of perception and its role in text production. The challenge of the subject designation comes from the fact that there are various semantic positions in the literary text such as author, narrator and character.

The analysis and interpretation of special aspects of the subject worldview allow getting into the deep meaning of the text and marking out some particularities of the individual style of the narration. The paper suggests the possible options of classification of subjects of perceptual activity. Two fairly arbitrary oppositions are considered: adults and children; people and animals. It is argued that depending on the subject of perception, the prevalence of some perception type is observed in the text: visual, audio, tactile, olfactory or flavouring. Visual and audio perception are the main ways of space orientation for people and their interaction. The utterances in which the attention is focused on the loss of the ability to see and hear metaphorically transfer the idea that the inner spiritual life of the hero ceases. Children perceive the world in all completeness of its colour manifestations: bright light and various vibrant colours draw their attention, darkness and sad tones frighten them.

For perception of adults, the social status and official capacity are important. The behavioural reaction of characters and their emotional state are represented. In utterances with animals

as subjects of perception, the situation of smell and taste perception is regularly implemented. Perceptual linguistic means with metaphorical meanings serve for assimilation of children to adults and animals to people; participate in describing of surroundings, in which characters live. Various sensual characteristics describe the appearance and behaviour of all characters.

Utterances with perceptual semantics in the literary text allow representing a situation «realistically», showing not only the general picture but also drawing attention to separate aspects of the events and facts described.

Keywords: Perceptual semantics, subject of perception, utterance, pro-position, imagery, literary text, sight, hearing, smell.

DOI 10.17223/18137083/61/16

References

Avdevnina O. Y. *Pertseptivnaya semantika: zakonomernosti formirovaniya i potentsial khudozhestvennoy realizatsii* [Perceptual semantics: regularities of formation and potential of artistic realization]. Saratov, Saratov State Univ. publ., 2013, 340 p.

Apresyan Y. D. *Izbrannye Trudy. T. 1* [Selected works. Vol. 1]. Moscow, LRC Publ. House, 1995, 472 p.

Babina T. P. *Sposoby vyrazheniya sub'ekta v russkom yazyke* [Ways of expression of the subject in Russian]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1986, 24 p.

Bashkova I. V. *Grammatika vospriyatiya v sovremennom russkom yazyke* [Perception grammar in modern Russian]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yekaterinburg, 1995, 24 p.

Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [Theory of functional grammar. Personality. Voices]. St. Petersburg, 1991, pp. 120–135.

Boreyko T. S. *Situatsiya taktil'nogo vospriyatiya: sposoby predstavleniya v sisteme russkogo yazyka i v yazykovom soznanii individa* [Situation of tactile perception: ways of representation in system of Russian and in linguistic consciousness of the individual]. Cand. philol. sci. diss. Omsk, 2006, 224 p.

Demeshkina T. A., Verkhoturova N. A., Kryukova L. B., Kurikova N. V. *Lingvisticheskoe modelirovanie situatsii vospriyatiya v regional'nom i obshcherossiyskom diskurse* [Linguistic modeling of a situation of perception in a regional and all-Russian discourse]. Tomsk, TGU Publ., 2006, 194 p.

Dvizova A. V. *Yazykovye sredstva vyrazheniya situatsii zritel'nogo i slukhovogo vospriyatiya v poezii B. Pasternaka (sopostavitel'nyy aspekt)* [Linguistic means of expression of a situation of visual and acoustic perception in B. Pasternak's poetry (comparative aspect)]. *Siberian Philological Journal*. 2013, no. 1, pp. 207–211.

Grigor'eva O. N. *Tsvet i zapakh vlasti: Leksika chuvstvennogo vospriyatiya v publitsisticheskoi i khudozhestvennom tekstakh* [Color and smell of the power: Lexicon of sensory perception in publicist and art texts]. Moscow, Nauka, 2004, 248 p.

Kharchenko V. K. *Lingvosensorika. Fundamental'nye i prikladnye aspekty* [Sensory linguistics. Fundamental and applied aspects]. Moscow, Librokom, 2012, 216 p.

Korycankova S., Kryukova L. B., Khiznichenko A. V. *Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti* [Poetic worldview through a prism of perception category]. Brno, Muni Press, 2016, 236 p.

Kustova G. I. *Vid, vidimost', sushchnost'* (o semanticheskom potentsiale slov so znacheniem zritel'nogo vospriyatiya) [Look, visibility, essence (about the semantic potential of words with value of visual perception)]. In: *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [Intimate meanings: Word. Text. Culture]. Moscow, LRC Publ. House, 2004, pp. 155–175.

Moiseeva N. V. *Glagoly vospriyatiya v russkom yazyke* [Verbs of perception in Russian]. *MSU vestnik. Series 9. Philology*. 1998, no. 6, pp. 82–91.

Olitskaya D. A., Kryukova L. B. *Avtorskoe mirovospriyatie i sposoby ee yazykovogo vyrazheniya v original'noy i perevodnoy poezii B. Pasternaka* [Author's worldview and ways of its linguistic representation in original and translated B. Pasternak's poetry]. *The World of Russian Word*. 2012, no. 4, pp. 92–99.

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in semantics of lexicon]. Moscow, LRC Publ. House, 2004, 608 p.

Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST, Vostok-Zapad, 2010, 314 p.

Shmeleva T. V. *Semanticheskiy sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic syntax: The text of lectures from the course "Modern Russian"]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Univ. Publ., 1988, 54 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. 4-e izd. [Dictionary of Russian: in 4 vols, 4th ed.] Moscow, Russkiy yazyk, Poligrafresursy, 1999, vol. 2, 736 p.

Wang X. *Yazykovye sredstva vyrazheniya chuvstvennogo vospriyatiya i ikh rol' v semanticheskoy organizatsii khudozhestvennogo teksta (na materiale rasskazov A. P. Chekhova)* [Linguistic means of expression of sensory perception and their role in the semantic organization of the art text (on material of stories by A. P. Chekhov)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2015, 24 p.

Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of the Russian syntax]. Moscow, 1982, 368 p.

List of sources

Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols]. Moscow, Nauka Publ., 1985, vols 1, 18.